

УДК 130.2

**Конституирующие черты современного повседневного мировоззрения:
мифичность и историчность**

М.М. ЩЕРБИНА

Харьковский национальный университет внутренних дел, г. Харьков, Украина,
E-mail: shcherbina@yandex.ru**Авторское резюме**

В представленной статье анализируются конституирующие черты повседневности как культурной реалии. В качестве этих черт можно назвать мифо-практическую установку, эпоху, которое понимается как напряженное отношение индивидуума к жизни, специфическое понимание времени и полнота включения личности в единстве ее появлений (спонтанная активность, понимание, представление) в деятельности, в проживание жизни, показывается историчность мифического в повседневном.

Начиная со второй половины XX века проблема повседневности и ее реабилитации (по сравнению с традиционным ее принижением перед лицом «высокой науки») появляется в гуманитарном знании как некая исследовательская тенденция и становится одной из тем философствования. Повседневность привлекает к себе пристальное внимание исследователей, начиная с концепции «жизненного мира» Э. Гуссерля и с исследований А. Шюца. В то же время, в связи с процессами ремифологизации, миф является и остается одной из важнейших форм общественного сознания в структурах современной ментальности так, что некоторые исследователи называют и анализируют культуру XX-XXI века как «новую первобытность».

В то же время исследования мифа как формы общественного сознания, активно вытесняющей модернистский рационализм, практически не коррелировали с «повседневнологией».

В статье проанализированы свойства мифо-практической установки, проведено сравнение их со свойствами мифического в современном повседневном мировоззрении. Показано, что, в отличие от архаики, исчезает жесткая персонификация учителей и хранителей мировоззренческих традиций. В современности «знание мифа» взаимодействует не с биографической ситуацией человека, но с уже существующей мозаичной картиной мира данной личности, состоящую зачастую из типизаций, относящихся по своему происхождению к абсолютно разным традициям. Делаются выводы об историчности основных характеристик повседневности.

Осознанная мифологизация, заключающаяся в ритуалах, помогающих миру оставаться неизменным, в современном мире исчезает. Напряженное отношение к жизни сохраняется, периодически ослабляясь, на протяжении всей истории. Четкое разделение между личным и внешним временем стирается, приближаясь в какой-то мере к архаическому пониманию повседневного времени, однако мифологизированность времени уже не осознается, уходит синкретизм традиции и приключения, нарастает типизация.

Ключевые слова: повседневность, миф, эпоха, мифо-практическая установка, жизненный мир, мифологическое время.

Constitutive features of contemporary daily worldview: myth and historicity

M.M. SCHERBYNA

Kharkiv national university of internal affairs, Kharkiv, Ukraine, E-mail: shcherbina@yandex.ru

Abstract

The constitutive features of everyday life are analyzed. The author identifies the following features of everyday occurrence as the mythological and practical installation, epoche, which is understood as a specific attitude towards everyday life, a specific understanding of the fullness of time and the human involvement in the unity of its manifestations (spontaneous activity, intuition, imagination) into activities and into living of life. The historicity of myth and mythical in the everyday life is shown.

Since the second half of the twentieth century, the problem of everyday life and its rehabilitation (compared to its traditional belittling the face of «high science») appears in the human studies as a kind of trend research and becomes one of the themes of philosophizing. The daily occurrence has attracted attention of researchers, from the Husserl's concept of «life-world» and Shchutz's articles. At the same time we see the processes of remythologization in the modern society, so that myth remains to be one of the most important-forms social consciousness in the structures of modern mentality so that some researchers call and analyze culture XX -XXI century as «a new archaic»

At the same time the studies of myth as a form of social consciousness, almost did not correlate with the studies of daily occurrence.

The paper analyzes the properties of mytho-practical attitude, compared with the properties of mythical in the modern everyday worldview.

It is shown that archaic personification of teachers and guardians of traditions disappears. The modern «knowledge of the myth» does not communicate with the personal biographical situation, but with the exist-

ing mosaic picture of the world of the individual, often consisting of typization and related to completely different traditions.

Conclusions about the historicity of the main features of everyday life are done. The type of mythologization, consisting in rituals, which help the world to remain unchanged, in the modern world disappears. Tense attitude towards life is saved periodically weakened throughout history. A clear distinction between personal and external time erased, approaching to the archaic understanding of everyday time, but mythologization of time is not realized, syncretism of tradition and adventure goes and the typization grows.

Keywords: daily occurrence, myth, epoche, mythological and practical installation, life-world, mythological time.

Постановка проблемы. Повседневность стала предметом пристального взгляда со стороны представителей гуманитарного знания сравнительно недавно, со второй половины XX века. С этого момента «повседневные исследования» стремительно набирают обороты, начиная с феноменологических работ, прежде всего Э. Гуссерля и А. Шюца. В то же время исследование мифа как формы общественного сознания, активно вытесняющей модернистский рационализм, практически не коррелировали с «повседневнологией». Нам представляется важным и актуальным для понимания «новой первобытной культуры» XX-XXI века [5] исследовать сходство и различие свойств мифа и мифического в архаике и в современном мире.

Анализ исследований и публикаций. Постановка проблемы взаимопроникновения мифического и повседневного была осуществлена А.В. Бабаевой. Исследовательница утверждает неверность традиции противопоставления мифического и житейского, а также очерчивает некоторые функции мифа в повседневности [1]. Проблемы мифического и символического в обыденном сознании как части повседневности касается Е. В. Улыбина [6]. Л.Г. Ионин, описывая эволюцию конституирующих (по Э. Гуссерлю и А. Шюцу) черт повседневности, также, вслед за Э. Гуссерлем, говорит о мифо-практической установке в повседневности, однако относит ее исключительно к архаике [4]. Однако необходимо отметить теоретическую неразработанность проблемы и отсутствие сколько-нибудь целостного исследования, темой которого была бы корреляция мифа и повседневности в современном мире, что усиливает актуальность темы настоящей работы.

Цель исследования: проанализировать мифическое в конституирующих чертах повседневности в историческом аспекте, выявить изменения по сравнению с архаическим «мифомышлением».

Изложение основного материала. Э. Гуссерль говорит о следующих свойствах мифо-практической установки: 1) эту установку как единство религиозно-мифических интересов и их традиции сохраняют и воспроизводят представители жречества; 2) «знание» о мифических силах является личностно прочувствованным, и эта личностная интерпретация в какой-то мере перестраивает сам миф (как нам кажется, связь двусторонняя:

миф влияет на личное мировоззрение, как бы «перестраивая мир» в соответствии с мифическим знанием, а восприятие мифа человеком, в свою очередь, дает некие различия в мифе, детерминированные биографической ситуацией «слушателя мифа», особенностями его воображения и тому подобное); 3) мир управляется мифическими силами, «все, относящиеся к нему человеческие и дочеловеческие существа, не тверды в своем самосущностном бытии... и открыты воздействию мифических моментов, однако сами управляют событиями этого мира, как включают сами себя в единый порядок высшей власти, как сами, в единичных функциях и функционерах, творчески, деятельно доводят предназначенную им самим себе судьбу» [3, с. 114-115]; 4) цель мифического знания – служение человеку в его человеческих целях, чтобы возможно счастливее построил он свою мирскую жизнь, чтобы мог оборониться от болезни, всякого рода судьбы, нужды и смерти; 5) человек мифический ориентирован на пространственно-временной окружающей мир и на себя лишь как на часть целостности мира, который есть поле его жизни и деятельности [3, с.114-121].

Сравним свойства мифо-практической установки со свойствами мифического в современном повседневном мировоззрении. В отличие от архаики, хранители/учителя мировоззренческих традиций теперь отнюдь не жестко персонафицированы, чаще всего в их роли выступают семья, школа, СМИ, армия, хотя и религиозные деятели тоже остаются «передатчиками норм». Личностная интерпретация норм и традиций тоже присутствует, однако, если в архаике «знание мифа» накладывалось лишь на биографическую ситуацию человека, то в современности каждый новый стереотип/норма поведения, элемент традиции накладывается на: 1) архетипическую матрицу; 2) уже существующую мозаичную картину мира данного человека, состоящую зачастую из типизаций, относящихся по своему происхождению к абсолютно разным традициям. Четвертое, по Гуссерлю, свойство кажется нам спорным для архаического человека, однако идеально подходящим для нашего современника, так как в архаике традиции исполнялись для поддержания целостности мира (архаический прагматизм можно озвучить следующим образом: «без наших усилий мир изменится/

погибнет, а значит погибнем и мы»), а в современности – также (и в большей степени) потому, что исполнение норм аргументируется тем, что «правильно» ведущий себя человек всегда достигает желаемого. Далее, наш современник в своей повседневности ориентирован прежде всего на себя, а уж потом на мир – как на среду, где он действует.

Следующей конституирующей чертой повседневности является напряженное отношение к жизни (Бергсон, Шюц). Л.Г. Ионин справедливо утверждает, что эта черта, обусловленная «трудо­вой, активистской» природой повседневности, была свойственна любой эпохе, о чем свидетельствует двойное отношение к богам: поклонение/наказание по отношению к идолам, поединки с Олимпийцами, проклятия брахманов по отношению к богам и другие похожие случаи, означают уверенность человека, несовместимую с расслабленностью, пассивностью сознания, ощущением собственного бессилия, а, следовательно, – напряженное отношение к жизни [4, п. 2.14]. Добавим, что сверхэмоциональность, алертность и аффективность отношения к жизни в архаике в сочетании с высоким уровнем образности были определяющими для повседневности того времени, о чем свидетельствуют «рассказывающие», «повествовательные» [2] памятники архаической живописи пещер Ляско, Альтамира, Тюк д’Одубер, где высокая степень реалистичности изображений сочетается с невероятной экспрессией, передающей далеким потомкам всепоглощающие гнев, ярость, удивление, страх, радость победы древнего художника.

Далее рассмотрим восприятие времени в повседневности. Повседневное время – это, прежде всего, календарные и трудовые ритмы, то есть регулярное утверждение и переутверждение своего личного мифологического символически-вещного мира. Л.Г. Ионин квалифицирует время повседневности как «стандартное» время трудовых ритмов, определяемое «пересечением» субъективной длительности и объективного космического времени» [4, п. 2.14], то есть в исторической ретроспективе следует рассматривать обе эти составляющие, а также их взаимоотношения. Имеется в виду тот факт, что архаический человек был неотделимой, синкретичной частью природы и мирового времени в частности, осуществляя коллективное мы-мышление не только по отношению к роду/племени, но и к мифологизированному окружающему постоянно возрождаемому/утверждаемому жизненному миру, чем и обусловлены, с одной стороны, явления анимизма и антропоморфизма, с другой – ритуалы, возрождающие «время творения» в данный момент времени жизни. Античный человек-микрокосм вписывался в макрокосм, и внутреннее время

человека практически совпадало с внешним временем мира, а трудовые ритмы строились в соответствии с календарными.

В Средние века происходит, с одной стороны, разделение мира этого, повседневного и мира божественного, с другой стороны – выделение человеческой целостности (души) – то есть «временного целого» (М. Бахтин), выпадающего из внешнего времени, окружающего носителя души. Таким образом, впервые происходит отделение внешнего времени от внутреннего. Кроме того, если в архаике сосуществуют «время сновидений» и настоящее время, и первое прорывается во второе, повторяясь/утверждаясь в нем для сохранения существования и целостности мира, то в христианстве «суть идеи божественного предопределения ... состоит в том, что прошлое, настоящее и будущее как бы сжаты в единую точку и существуют в одновременности, по крайней мере, в сознании Бога» [4, п. 2.14], то есть в божественном мире нет течения времени как такового, но есть вечное «сейчас». Это выражалось, во-первых, в совпадении идеалов прошлого и грядущего (рай «уже был» - до грехопадения и рай «еще будет» - после Страшного Суда), во-вторых, «конкретная предметная стихия» средневекового времени, синкретично связанная с вещами и действиями, была как бы разведена со временем природным и социальным-внецерковным, и формировалась посредниками в отношениях с Богом и божественным «сейчас» (церковью) как ступени приближения к Богу: время таинств и богослужений, церковные праздники и тому подобное – до наступления эпохи Реформации, когда протестантизмом были узаконены категории «призвания» и «служения Богу жизнью», что существенно сблизило божественное/церковное и социальное время. В современном мире четкое разделение между личным и внешним временем стирается, приближаясь в какой-то мере к архаическому пониманию повседневного времени, однако мифологизированность времени уже не осознается.

Также исследователи пишут об ускорении повседневного временного ритма, учащении темпа жизни – от древности до наших дней. Л.Г. Ионин упоминает о том, что лишь в конце средневековья часы на башнях церковей стали отбивать четверти [4, п. 2.14]. Двадцатый век уже пронизан лейтмотивом «не думай о секундах свысока», однако цикличность повседневного времени продолжает иметь место по сегодняшний день, с той лишь оговоркой, что повторения стандартных действий у современного человека далеко не всегда являются осознанными утверждениями смыслов.

Далее рассмотрим личностную определенность действующего индивида – то есть полную включенности человека в единстве его проявлений (спонтанная активность, созерца-

ние, воображение) в деятельность [4, п. 2.14]. Основное отличие «человека древнего» и «человека средневекового» от нашего современника по этому параметру – это синкретизм традиционности и приключения. Имеется в виду то, что любая деятельность была практически полностью традиционной и традиционно-регламентированной (большая власть норм и стереотипов поведения), некоторые исследователи даже говорят в этой связи о полном совпадении личности и ее ролевых определений. Однако повторение одного и того же не было, в отличие от современности, взаимозаменяемым, так как любое действие каждый раз было новым, совершалось «как впервые, во время сотворения мира» и было при этом более личностным, осознаннее был каждый культуротворческий акт из-за мифологического переживания времени, поскольку из-за того, что действие (в случае, если человек «действительно является самим собой» – в моменты охоты, трапезы, войны, выполнения полоролевых обязанностей, тем более – во время ритуалов, особенно – ритуалов перехода из одного статуса в другой; остальные действия расцениваются как становление, не имеющее высшего смысла) становится реальностью путем повторения действий, закладывающих картину мира для будущих поколений, «внешнее» время уступает место времени творения и «тот, кто повторяет действие по образцу, переносится в мифологическое время первого появления этого действия-образца» [7, с. 56–57]. По словам М. Элиаде, «в каждый миг все начинается сначала. Прошлое есть ни что иное, как предвидение будущего. Нет бесповоротных действий и конечных превращений. В определенном смысле можно даже сказать, что в мире не происходит ничего нового, так как все есть лишь повторение тех же начальных архетипов; эти повторения, актуализируя мифический момент, в который совершилось архетипическое действие, бесконечно удерживает мир в одном и том же рассветном мгновении начала. Время лишь дает возможность вещам появляться и существовать. Оно не имеет никакого влияния на это существование, поскольку само оно непрерывно возрождается» [7, с. 91].

Кроме того, по мере приближения к современности, развитие типизации касается не только действий, но относится и к самим действующим личностям. По словам Л.Г. Ионина,

«в древности все владыки были величайшими, все воины – бесстрашными и мощнейшими. Эти превосходные степени сами по себе исключают возможность сравнения и замены одного другим» [4, п. 2.15].

Таким образом, можно согласиться с Л.Г. Иониным в том, что повседневность в древности была не столько повседневностью (понимаемой как повторяемость, обычность/обыденность – М.Ш.), сколько чередованием приключений, а, следовательно, переживание такой повседневности было более острым и личностным – и менее взаимозаменяемым [4].

Выводы. Таким образом, можно сделать вывод об историчности основных характеристик повседневности, таких как эпохэ, понимаемое как напряженное отношение к жизни, специфическое понимание времени и полноту включенности человека в проживание жизни. Эпохэ более свойственно современности. Осознанная мифологизация, заключающаяся в ритуалах, помогающих миру оставаться неизменным исчезает. Напряженное отношение к жизни сохраняется, периодически ослабляясь, на протяжении всей истории. Мифологизация повседневного времени изменяется так. Повседневное время – это повторяющиеся календарные и трудовые ритмы, когда личностный (состоящий из мифологем, символов и вещей) мир утверждается снова и снова. Понимание времени меняется следующим образом: в архаике восприятие повседневного времени (как синкретического целого внутреннего и внешнего времени) полностью мифологизировано (возрождение «времени творения» в каждом типичном действии, и тем более в ритуалах), в Средние века время окончательно «распадается» на две составляющие – «личное» и «внешнее» время, где божественное время воспринимается как циклическое мифологическое вечное «сейчас» (аналог «времени творения»), а социальное время регулируется повторяемыми типичными действиями и ритуалами. В современном мире четкое разделение между личным и внешним временем стирается, приближаясь в какой-то мере к архаическому пониманию повседневного времени, однако мифологизированность времени уже не осознается. С точки зрения полноты включенности человека в действие, по мере приближения к современности, уходит синкретизм традиции и приключения, нарастает типизация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бабаева А.В. Миф в пространстве повседневности [Текст] / А.В. Бабаева // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. Сборник в честь 90-летия профессора М.И. Шахновича. Серия «Мыслители». Выпуск №8 – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2001. – С. 300.
2. Голан А. Миф и символ [Текст] / А. Голан – М.: РУССЛИТ, 1994. – 375 с.
3. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию [Текст] / Э. Гуссерль – СПб.: Владимир Даль, 2004. – 399 с.
4. Ионин Л.Г. Понимающая социология: Историко-критический анализ [Текст] / Л.Г. Ионин – М.: Наука, 1979. – 207с.

5. Кунденко Я.Н. Повседневность как реалья культурной действительности. Дисс. ... ученой степени кандидата философских наук: 09.00.04 [Текст] / – Харьков: ХАИ, 1998. – 176 с.
6. Улыбина Е.В. Обыденное сознание в картине мира личности: психосемантический подход. Автореферат диссертации на соискание степени доктора психологических наук. [Текст] / – Е.В. Улыбина – Ставрополь: СГУ, 1999. – 50 с.
7. Элиаде М. Аспекты мифа. [Текст] / – М. Элиаде – М.: Академический проект, 2000. – 222 с.

Статья поступила в редакцию 10.12.2013

REFERENCES:

1. *Babaeva, A.V.* Myth v prostranstve povsednevnosti (Myth in the space of everyday life). *Smysly mifa: mifologiya v istorii kultury*, no. 8, pp. 300
2. *Golan, A.* Myth I symvol (Myth and symbol). Moscow, 1994, 375 p.
3. *Husserl, E.* Krizis evropeiskih nauk I transcendentalnaya fenomenologiya. Vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu. (Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology). St. Petersburg, 2004, 399 p.
4. *Ionin, L.G.* Ponimayushchaya sociologiya: istoriko-kriticheskiy analiz (Interpretive Sociology: Historical and critical analysis). Moscow, 1979, 207 p.
5. *Kundenko, Ya.N.* Povsednevnost kak realiya kulturnoj dejstvitelnosti: dis. ... kand. philos. nauk: 09.00.04 (Everyday occurrence as a cultural reality) Philosophy diss. Kharkiv, 1998, 176 p.
6. *Ulybina, Ye.V.* Obydennoye soznaniye v kartine mira lichnosti: psyhosemanticheskiy podhod (Everyday consciousness in the world of personality: psychosemantic approach). Stavropol, 1999, 50 p.
7. *Eliade, M.* Aspekty mifa (Aspects of myth). Moscow, 2000, 222 p.

Щербина Мария Михайловна – доцент
Харьковский национальный университет внутренних дел
Адрес: 61070, Харьков, ул. Академика Проскуры, д. 1-А
E-mail: shcherbina@yandex.ru

Scherbyna Mariya Mikhailovna – associate professor
Kharkiv national university of internal affairs
Address: 1-A, Academica Proskury Str., Kharkiv, 61070
E-mail: shcherbina@yandex.ru